

Елизавета Сергеевна Мартынова (Данилова) родилась в городе Саратове. Окончила Саратовский государственный университет. Кандидат филологических наук. Публиковалась в журналах «Наши современники», «Волга — XXI век», «Луч», «Подъём», «Введенская сторона», альманахе «Новые писатели России», сборнике «Новые имена в поэзии». Автор книг «Письма другу», «На окраине века», «Свет в окне», «Собеседник». Лауреат премии имени Юрия Кузнецова журнала «Наши современники». Главный редактор журнала «Волга — XXI век». Живет в Саратове.

Елизавета Мартынова

ТЕПЕРЬ ВЫ — НЕБО И ВОДА

* * *

Написать небесную Россию:
Облака, туманы и поля,
Сумерки ее, дожди косые,
Свет, которым полнится земля.

Так, чтоб пело сердце благодатью
И страданьем, горечью живой —
Дом родной, далекий написать бы
Тонко над речною синевой.

Ни пером, ни акварельной кистью,
Только словом: осень и окно,
А за ним уже роятся листья,
Небо между звездами темно.

Написать, как жизнь светло и просто
Смотрит в нас и не отводит взгляд,
Если от рожденья до погоста
Только прочерк — журавли летят.

Не поймаешь их, не остановишь,
Только смотришь, смотришь в небеса,
Словно ждешь томительную новость,
Слышишь дальних предков голоса.

Видишь лица за дождливой синью,
Перелетных ангелов житье.
Напишу небесную Россию,
Горних обитателей ее.

* * *

Не вспомнишь века Золотого
В эпохе трудной и скупой —
Сегодня умирает слово,
Развоплощенное толпой.

Оно уже подобно вещи
И продается на развес,
И ни к чему — твой голос вещей
И жизнь на краешке небес.

От прежнего мироустройства
Остался только в книгах след.
Но не читает книг потомство,
И друга в поколенья нет.

И остаются только звезды,
Земная призрачная твердь,
Ворованный небесный воздух,
Желанье жить, стремленье петь.

Когда-нибудь ты станешь мифом.
Среди вранья и воронья
Прольется соловьиным мигом
Вся жизнь, а с нею — песнь твоя.

* * *

Чувство родины — чувство печали.
Здесь, где души земные темны,
Ходит вечер слепыми ночами,
Коридором сырой тишины.

Прикоснись ко мне кроткой рукою.
Ты живешь, как растение во мгле.
Ну а я — только темной рекою,
Речью чистой и бедной листвою
Буду в сердце твоём на земле.

Та река протекает над бездной,
Листья кружатся в тихой воде.
Только слово становится песней,
Только зерна звучат в борозде.

И за гранью зимы неизвестной
Вспыхнет зрение спелой звезды.
Смерть исчезнет — она бесполезна.
Белый снег замечает следы.

* * *

Прохудилось мартовское небо.
Звезды тонко смотрятся в прорехи —
Звезды цвета зелени и снега,
Цвета слез и золотого смеха.

Маленькую площадь освещают,
Памятник, влюбленных на скамейках,
Заинтересованы вещами
И людьми, и даже травкой мелкой.

И пока темнеют переулки
И грачи кричат над парком «Липки»,
Звездный луч выходит на прогулки,
Воздухом стремительным облитый.

Как прекрасна улица ночная
В час весны: небес лучится смальта,
И фонарь печалится, сияя
В серебре щербатого асфальта.

Драгоценный свет лежит на лицах,
Но тревога проблеснет порою:
Громче и ясней, чем плачут птицы,
Пахнет родиной — землей сырою.

* * *

Подумай о лесе. Он сух и печален.
Он прячет себя в тишине.
В нем совы сверкают немymi очами
И сучья свистят в полусне.

Подумай о сердце. В нем небо и чаща,
Которой насквозь не пройду.
Пульсируют листья все чаще и чаще,
И каждый из них — точно черная чаша,
Качает слепую звезду.

Подумай о доме: по-прежнему волен,
Летает ночами туда,
Где шорох волны, влажный звон колоколен
И небо поет, как вода.

И сердце, и лес, и окно в чистом поле,
Его золотистая тьма...
Так что же тебе еще нужно для боли —
Родной и сводящей с ума?

* * *

Большие колокольчики лесов
Дрожат и держат на весу поляну.
Они звонят не поздно и не рано,
Но в час, когда не нужно больше слов.

Ведь в них речная гладь отражена
Такой, какую видим утром белым,
В них — блеск листвы, луч солнца загорелый
И человек, восставший ото сна.

И так понятен свет их синевы,
Их перезвон скупой сиреневатый,
Поющий из таинственной травы,
Что мы уже ни в чем не виноваты.

Мы правы тем, что рождены на свет
И счастье вместе с горем мы вдохнули,
И нас других и не было, и нет
Перед лицом прозрачного июля.

* * *

Высокопарно облака
Клубятся в небе ярким паром.
Им жизнь дана наверняка
Хоть ненадолго, но не даром.

Так рождены для красоты,
Для человеческого зренья
Дороги, реки и цветы,
Холмы, и пашни, и деревья.

Они в душе твоей растут,
Ее до неба возвышая,
Не оставляя в ней пустот.
Душа становится большая,

Как облако, как листопад.
Она себя уже не помнит,
Который день и век подряд
Покинув замкнутости комнат.

Войдет в короткие дожди,
Лесов распахнутые двери.
Не навреди, не разбуди
Ее от счастья и потери.

Пуškai скитается она
Невольню, неостановимо,
Как пленник собственного сна,
Как тень от облака и дыма.

* * *

Соловьиная ночь глубока и горька.
Проступает роса на небесных скрижалях.
И светла темнота в черной чаше листка.
И сиянье сирени наш двор окружает.

Я тебя слишком помню, как будто — ты здесь,
Прикоснулся дыханием к мирному лету.
И слова твои — свет, и глаза твои — весть,
Что живу на земле, ожиданьем согрета.

Я тебя никогда не увижу уже.
Ты нужнее воды и надежного хлеба.
Соловьиная песнь на ночном рубеже
Растворяет окно в необъятное небо.

* * *

Любимые, я вас любила.
И жизнь текла, как наяву,
Покуда солнце не остыло
И тень ложилась на траву.

Обманывать себя не надо:
Не жить без боли и вины.
Настало время снегопада,
И пустоты, и тишины.

И я гляжу в окно седое
И вспоминаю, как давно
Касалась я тебя рукою —
Смешное старое кино.

В нем все сбылось,
Все то, что было
Желанным, нежным — навсегда.
Любимые, я вас любила.
Теперь вы — небо и вода.

* * *

В конечном счете жизнь права
В том, что растет она, как травы.
А мы с тобой растим слова,
И в этом перед веком правы.

Какой еще нам правоты?
Когда душа уйдет на волю,
Нас вспомнят птицы и цветы,
И степь — непаханое поле.